

Рецензия на монографию М.Ф. Ершова «Социокультурная эволюция образов очеловеченного пространства: общетеоретические и конкретно-исторические аспекты». Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2013. 276 с.

Review of the monograph of M.F. Ershov "Sociocultural evolution of the images of humanized space: general-theoretical and concrete historical aspects". Khanty-Mansiysk: ООО Printed World Khanty-Mansiysk, 2013. 276 p.

Монография М.Ф. Ершова является обобщением ранее опубликованных им научных статей. Она ставит такую интересную проблему в области социологии культуры, как существование (или отсутствие закономерностей) в историческом развитии образов пространства. По мнению автора, такие закономерности, причем неочевидные, есть. Обширный объем книги, как и использованной им литературы, призван подтвердить данную точку зрения.

В работе рассматриваются такие понятия, как «образ», «пространство», «образы пространства» с позиции исторического, философского и социологического подходов. Основываясь на теории социальных изменений, автор демонстрирует, как меняется сущность образа на протяжении конкретных эпох. Цель исследования М.Ф. Ершова заключается в анализе исторической эволюции образов очеловеченного пространства, для достижения которой автор ставит перед собой основную задачу: выявление общемировых и локальных тенденций в формировании и развитии образов очеловеченного пространства. Как утверждает сам автор, он вынужден воздержаться от полноценного историографического освещения темы в связи с применением междисциплинарного подхода. Это объясняется не разработанностью единых терминологических подходов при изучении данной проблемы и практическим отсутствием в научной литературе успешных попыток проследить изменения образов пространства на протяжении эпох.

Значительное внимание автор уделяет анализу понятий «город», «провинция», «городская культура», относительно которых так же, как и термина «образ», не сформировались общетеоретические понятия. В частности утверждает, что специфика образа, выступающего в качестве предмета исследования, заключается в том, что он «всегда хранит тайну и является лишь слегка приоткрытым окном в мир сущностей и подлинных объектов». Поэтому, полагает автор, любое повествование об образах несовершенно и не может быть завершено окончательно.

Образные выражения, которые использует М.Ф. Ершов в своей монографии, интригуют и привлекают внимание читателя, например, основное содержание своей книги он сравнивает с картиной, где происходит постоянное чередование образов. Текст автора, зачастую ироничный, с использованием метафор, цитат, подкрепляется иллюстрациями. Проводится искусствоведческий анализ мифологических образов городской культуры, определяется мифическое понимание пространства и города, рассматриваются типичные образы, характерные для города при его возникновении. В рамках истории искусства описываются образы богатырей, святых, литературных героев, после чего автор возвращает нас к реальности и делает вывод о том, что «наше мифологизированное прошлое постепенно тонет в мутной воде небытия».

Рассматривая образы города в истории России, М.Ф. Ершов выступает хорошим психологом и вызывает интерес к метафорической связи образа «города» и «женщины». Город предстает как источник концентрации культуры, подчеркивается его многогранность, схожесть с храмом, и в то же время, телесное начало. Вновь присутствует образ богатыря, рассматриваются функции монастыря как источника культуры и его роли в очеловечивании пространства. Вывод автора заставляет читателя задуматься: «удел новаторов – быть одновременно и убийцами, и жертвами, что, по мнению автора, обусловлено тем, что «их личное противостояние старому миру оборачивается отверженностью от него».

Автор уделяет особое внимание таким понятиям, как «столица», «протогород», «деревня», «провинция» и уточняет их основное различие: в традиционной культуре город воспринимается как божественное творение и культурное пространство одновременно, которое противостоит неокультурной природной стихии, а провинция предстает территорией, зависящей от столицы и, одновременно, ей подчиняющейся. Используя общенаучный метод от абстрактного к конкретному, автор переходит в анализ генезиса, начиная с Древней Руси, и последующей трансформации отечественных городов.

Во второй главе проводится анализ исторической эволюции отечественного очеловеченного пространства и его образов. Описывая образ «змея», автор называет его палачом, делает ироничное заключение: «Змей оказывается еще большим маргиналом, чем былинный древнерусский богатырь» и обращается к устному народному творчеству.

В третьей главе «Образы провинции: Югра, Сибирь, Россия» город рассматривается в фольклорных представлениях обских угров. Перед читателем предстают очеловеченные образы северного пространства, где центральное место отведено образу «медведя», описывается проведение «медвежьего праздника», который является одним из главных обрядов для коренных малочисленных народов Севера, населяющих Югру. Автор выявляет специфические черты формирования и последующей трансформации образов в условиях колонизации, культурных аспектов присоединения и освоения Сибири.

М.Ф. Ершов проводит аналогию между Сибирью и Северной Америкой, заключающуюся в специфике взаимодействий прибывающей и местной культуры, которые сопровождались насилием и «разграничением враждующего социума». Он успешно применяет компаративистский метод и теорию «фронттира», наполненного военно-политическим и социокультурным смыслом, рассматривает основные категории социологии культуры: аккомодация, аккультурация, ассимиляция, которые тесно связаны с взаимодействием культур, сопротивлением культурной экспансии.

Анализ специфических черт отечественной провинции, особенностей ее зарождения как явления культуры позволяет автору утверждать о «догоняющей» модернизации в России. Хотя можно поспорить с его утверждением, что «наша культурная маргинальность в глобальном мире дополняется маргинальностью в своем обществе».

В заключительной части автор ставит перед читателем вопрос о перспективах грядущего развития очеловеченного пространства. При этом он рассматривает множество прогнозов, описываемых в литературных источниках, большинство из которых пессимистичны и заканчиваются деградацией города и культуры в целом. М.Ф. Ершов замечает, однако, что освещение проблем выживания города и городской культуры не зависит от позиции писателя. По мнению автора, умирание городов связано, прежде всего, с их однопрофильностью (моногород) и формированием одномерного человека. Между тем оптимистично утверждает, что деформации городской культуры не приведут к гибели отечественных городов, они уцелеют, но «глобальное воздействие не оставляет возможности отступления, трансформации или культурного выбора».

Худший вариант развития российских городов он видит в их провинциализации по отношению к мировым центрам. По мнению автора, маргинализация культуры столицы дополняется возрастающей маргинализацией всей провинции, идущей, в том числе, и из столицы, и призывает читателя задуматься над тем, что ожидает в перспективе разные части очеловеченного пространства страны.

Итак, обращаясь к анализу образов города и городской культуры, автор объединяет историю и современность в многомерное городское

пространство. Изучая образы как особые знаки конкретной эпохи в пространстве города, М.Ф. Ершов следует тенденции, связанной со стремлением ряда ученых выходить за рамки сложившихся канонов. Применение междисциплинарного подхода при исследовании образа очеловеченного пространства позволяет создать новое проблемное поле и не ограничиваться только описанием основных черт образов городов.

Историк, обращающийся к образам города той или иной эпохи, склонен выбирать исследовательскую модель в соответствии с собственным пониманием города, на основе которой рассматриваются общемировые, российские, сибирские и югорские специфические черты пространственных изменений. На мой взгляд, книга М.Ф. Ершова представляет собой удачную попытку анализа исторических судеб образов очеловеченного пространства, образных характеристик города с использованием различных методов и подходов.

В книге присутствует достаточно много интересных моментов, она легко читается, но вот сумел ли Ершов убедить читателя? Вопрос спорный. Чтобы доказать его правоту или неправоту необходимо обращение к статистическим материалам. Только тогда можно говорить о полноценной верификации данной теории. В книге такое обращение отсутствует, хотя это ничуть не умаляет ценности проделанного труда. Для литературоведческих и историософских работ не требуется детальная конкретизация, их задача иная – будить наше сознание.

Что мы наблюдаем в «сухом остатке», прочитав книгу М.Ф. Ершова? Сделана попытка исследовать проблему города, провинции, столицы с неожиданной стороны, изучается не объект как таковой, а его образ. Специфика этого образа должна объяснять сущностные стороны объекта. И объект, и образ проходят определенные стадии развития. Игрой ума автора перед читателем проходит череда богатырей, палачей, жрецов, актеров и грешников. Эти персонафицированные и одушевленные образы пространства будят наше воображение, заставляют искать нечто похожее в своих местах проживания. Одна из основных задач книги выполнена – это популяризация знаний, конструирование представлений, первичное объяснение. Та схема, которую применяет автор в качестве шаблона, может быть истинной или ложной, но несомненно одно – она удачна как способ изложения обширного материала. Другой вопрос, что, раскрывая одни мифы, не создает ли М.Ф. Ершов на их месте другие?

**Доктор социологических наук,
профессор, заведующая кафедрой
общепрофессиональных
и специальных дисциплин
Нижевартовского
филиала НОУ ВПО
«Институт бизнеса и права»
(г. Санкт-Петербург), член-корреспондент
Российской Академии Естествознания,
Л.Г. Скульмовская**